

шись и пожелав стать равным Богу, он пожелал «хищением» стать равным Ему, за что и лишен был Им общения и низвергнут со своей высоты.

Говоря кратко, в начале сотворен был мир бесплотных духов, которые различались по своей силе и достоинству. Один из них, самый высший, возгордился и, не устояв в истине, сам захотел стать равным Богу. В этой гордости и заключалась ложь его желания. За это он был отвержен Богом и лишен своего имени, включавшего, как и у всех бесплотных духов. Имя Божие. По этой причине к нему применимы наименования: «сатана», т. е. противник, и «диавол», т. е. «разделитель». Когда же был сотворен человек, которому предстояло взойти на высоту единения с Творцом, т. е. предстояло обожение, то диавол поставил себе целью разрушить замысел Творца и погубить человека, соблазнив его возможностью обожения помимо Бога.

2. ГРЕХОПАДЕНИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ *

В дальнейшем библейском повествовании мы находим еще добавочные, очень важные указания о мире и человеке: прежде всего, рассказ о грехопадении прародителей и изгнании их из рая,— а затем рассказ о потопе.

Что касается первого, то вот что мы находим в 3-ей главе Библии. Тут рассказывается, что змей, искушая Еву, спросил ее, могут ли она и Адам есть все плоды в раю,— на что Ева ответила, что они могут вкушать плоды со всех деревьев, кроме дерева познания добра и зла, так как, если они его вкусят, то умрут. На это змей сказал — нет, вы не умрете, если вкусите этого плода, но станете сами как Бог. Ева, прельщенная красотой плодов дерева познания добра и зла и соблазненная словами змея, взяла плод, съела его, дала съесть и Адаму. Тогда, как повествует Библия, у них обоих открылись глаза, они устыдились своей наготы, а когда услышали голос Бога, то скрылись от Него. На вопрос Бога, отчего они скрылись и не ели ли они плодов от дерева добра и зла, Адам рассказал все... Нарушение заповеди Божией, данной людям для воспитания в них послушания, столь необходимого, чтобы дар свободы восполнялся всегда благодатью свыше,— привело к изгнанию Адама и Евы из рая. Грех прародителей изменил то высокое положение, какое Господь дал людям в мире,— и вместо царственного владычества над землей человек стал рабом

* По труду проф. прот. В. Зеньковского.— Апологетика. Киев, 1990, с. 17—20.

природы, должен был подчиняться ее законам. Смерть вошла в мир...

Этот библейский рассказ дает ключ к пониманию зла. Христианство, развивая учение Библии, выработало понятие «первородного греха»; это понятие выражает то изменение в самой природе человека, в силу которого действие образа Божия в человеке постоянно ослабляется проявлениями греховности, гнездящейся уже в природе человека (в силу первородного греха). Это учение христианства дает разрешение труднейшего вопроса, который всегда волнует людей,— о смысле и происхождении зла. Сущность зла, по христианскому учению, заключается лишь в отходе от Бога, в разрыве с Ним. Конечно, и невежество, и тяжелые социальные условия толкают людей на злые дела, причиняющие страдания, но источник зла в самом человеке, в его воле, в свободном избрании им пути жизни, т. е. в выборе того, быть ли ему с Богом, или без Него, или даже против Него. Эта «склонность к греху» присуща даже малым детям, у которых еще не развито сознание, не раскрылась личность и ее волевая сила,— и это значит, что корень зла не в самой личности, а в нашей природе, в вошедшей в нашу природу греховности,— т. е. в следовании не тому, что от Бога, а тому, что рождается из противления Его воле.

Зло началось в ангельском мире. Библейские тексты мало говорят о падении Денницы, но ко времени пришествия Господа на землю, в ветхозаветном сознании уже со всей ясностью определилось учение о Сатане и ангелах, последовавших за ним. Отсюда очень ранняя склонность у христианских писателей толковать искушение, которое испытала Ева от змея, как искушение от Сатаны, через змея соблазнившего Еву. В драматическом прологе к книге Иова уже с полной силой выступает сознание, что Сатане дана Богом пока некая власть, которой он пользуется для искушения людей. А в Евангельском рассказе об искушениях Господа, когда Он после крещения пребывал в пустыне 40 дней (см. Матф., гл. 4, ст. 1—11; ср. Марка, 1, ст. 13, Лука, гл. 4, ст. 1—13), еще сильнее выступает то, что Бог допускает до времени действия диавола среди людей.

Падение Сатаны и других ангелов создало не зло, а носителей зла. Мы хотим этим сказать: зло не существует, с христианской точки зрения, как нечто само по себе сущее, но есть злые существа (диавол и его «воинство»), сами отошедшие от Бога и стремящиеся отвлечь от Бога и род человеческий. Греховность, вошедшая в природу человека через первородный грех, создает возможность иску-

шения,— так что то, что у Адама и Евы было чистым проявлением их свободы, в человечестве осложняется этой живущей в человеке склонностью к греху. Человеческая природа стала, по церковному выражению, «удобопревратна»; человеческая воля ныне слаба, свобода часто действует не при полном свете сознания. Нужна постоянная борьба с склонностью к греху, чтобы человек овладел своей свободой и смог бы противиться соблазнам. Часто только лишь после больших падений и тяжких грехов люди «приходят в себя» и начинают борьбу с собой. В человеке действительно всегда идет борьба добрых и злых движений, и на эту «невидимую брань» указывает сам Господь, говоря, что только «употребляющие усилия» могут «восхитить Царство Божие» (Мф. 2: 12).

Евангелие заключает в себе очень много указаний Господа на эту борьбу добра и зла. Особенно важна для понимания зла в человеке притча о том, как на поле, на котором была посеяна пшеница, «врагом», т. е. дьяволом, ночью (в темноте, при отсутствии света, сознания у людей) были посеяны плевелы (Мф. 13: 24—30). Не входя в анализ этой замечательной притчи, обращаем лишь внимание на нее — она объясняет, отчего Господь допускает злу до времени распространяться в мире.

Но христианское учение о зле, с совершенно исключительной глубиной освещающее эту страшную и мучительную тему, включает в себя еще одно дополнительное учение, выраженное впервые ап. Павлом (Рим. 8:20—23). Вот что мы читаем в указанном месте: «тварь покорилась суете — не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне — и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего». В этих кратких словах начертана ап. Павлом необычайно глубокая идея о зле в природе,— и тут прежде всего надо отметить указание на то, что «вся тварь совокупно», т. е. мир в целом, мир, как целое, «стенает и мучится». Это есть факт мирового страдания, болезни мира. Мир «покорился суете», т. е. всякой неправде, мир заболел «не добровольно», т. е. не по своей воле. Страдания мира, болезни его — от грехопадения прародителей. Грех их, приведший к тому, что они потеряли свое царственное положение в мире и покорились суете, замутил и всю природу («всю тварь»): природа с грехопадением прародителей утратила своего земного царя и

управителя. Человек, который до грехопадения владел природой (что так глубоко выражено в Библии в указании, что Бог «привел к человеку» все живые существа, и человек «нарек имена» всему живому— (Быт. 2: 19, 20), перестал быть ее «хозяином», и природа, потеряв его, «покорилась суете, т. е. смерти и тлению, по воле покорившего ее». Но (Рим. 8: 19) «тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих». Спасение людей будет спасением всей твари, всей природы, которая ожидает, что она «будет освобождена от рабства тлению» (суеты) «в свободу славы детей Божиих».

Итак, зло, вошедшее в мир через падение ангелов, через замутнение духа у прародителей благодаря искушению, тем самым подчинило и всю природу «рабству тлению». Как глубока эта идея, освещающая нам факт «поврежденное™» природы вследствие греха прародителей!

3. ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ

Все люди, как потомки родоначальника человеческого рода Адама, хотя и сотворенного по образу Божию, но совершившего тяжкое грехопадение, рождаются с греховным наследственным повреждением своей духовно-телесной природы. Эта прирожденная греховность (по-гречески *ἀμαρτία*) известна под именем первородного греха.

Наследуемое чрез физическое рождение греховное состояние человеческой природы проявляет себя как всеобщая склонность людей к греховным поступкам. Как бы от лица всех носителей этого греховного состояния св. Апостол Павел говорит: «не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7: 15, 19, 22—23).

Каждый, кто прислушивается к голосу своей совести, на собственном опыте неоднократно убеждался в истинности этих апостольских слов, свидетельствующих о том, что живущий в нас грех (Рим. 7: 20) расслабляет нашу волю, стремится подчинить ее своей власти, ввергнуть нас в духовную смерть.

«Нет человека, который не грешил бы»,— говорит священный автор 3-й книги Царств (3 Цар. 8: 46). Эту истину

подтверждает и богодухновенный новозаветный писатель св. Апостол Иоанн Богослов: «Если говорим, что не имеем греха — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1: 8).

Греховное состояние человека (до воздействия на него благодати Божией) Апостол называет состоянием «ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» (Еф. 4: 22). Характеризуя это состояние в нравственном смысле, тот же Апостол говорит даже, что пребывающие в нем «мертвы по преступлениям и грехам» (Еф. 2: 1, 5), то есть их жизнь, в сущности, есть духовная смерть, разрыв общения с Богом.

Св. Ириной Лионский имеет в виду именно духовную смерть или разобщение с Богом, когда говорит, что «Адам сделался началом умирающих» и лишь Христос «сделался началом живущих» («Против ересей», кн. 3, гл. 22, п. 4).

Сознательно отвергающие необходимость для их спасения благодатного возрождения и оживотворения чрез таинство крещения, совершаемое в Церкви Христовой, лишают себя возможности стать в этой земной жизни участниками Царства Божия. «Если кто не родится от воды и Духа,— говорит Господь,— не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3: 5). Таковые обрекают себя на духовную смерть, делая себя неспособными к общению со Христом, источником вечной жизни. Они как бы добровольно враждуют против Бога (см. Рим. 5: 10), делают себя «чадами гнева» (Еф. 2: 3).

Впрочем, объектом гнева Божия являются не сами люди, родившиеся вне Царства благодати, а именно наследуемое ими греховное состояние, означающее расстройство в творении Божиим, которое не может быть предметом благоволения Божия, ибо невозможно общение между светом и тьмой (2 Кор. 6: 14).

Правда Божия осуждает это расстройство, происшедшее в чистой и совершенной богосозданной природе человеческой. Но Господь предлагает безвозмездно, без всякой человеческой заслуги, надежное средство для освобождения от наследственной греховности — вступление в Новый Завет с Богом чрез посредство таинств св. крещения, миропомазания, покаяния и причащения Тела и Крови Господа Иисуса Христа, Нового или Второго Адама (1 Кор. 15: 47), Родоначальника искупленного и спасаемого Им и в Нем человеческого рода.

Крещение есть воскресение от смерти греховной, дарование человеку возможности «ходить в обновленной

жизни» (Рим. 6: 4), а Миропомазание и Евхаристия сообщают ему силы, необходимые для преодоления склонности к греховным поступкам. Благодаря этому верующий во Христа и ставший членом Церкви Христовой имеет возможность постепенно, в напряженной борьбе с грехом, освободиться от рабства греху (Рим. 6: 20, 22), и из области духовной смерти переходить к истинной и непреходящей жизни во Христе.

4. СЛЕДСТВИЯ ГРЕХОПАДЕНИЯ *

Сущность грехопадения прародителей заключалась в ложном самоопределении. Если раньше человек самоопределялся во всем в полной гармонии и в соответствии с волей Божией, всецело свою волю и свободу вводя в волю Божию. в послушание этой высшей воле, то теперь он самоопределился* сам в себе, вне отношения к Богу и Божией воле, он проявил свою волю, несогласную с волей Божией.

Через разрыв единения прекратился приток Божественной жизни, и человек «отпал от древа жизни, т. е. от любви Божией», как говорит преподобный Исаак Сирий. Таким печальным оказалось для человека принятие диавольского обольщения и самоопределение вне Бога. Оно выражало собой разрыв единения с Богом и отпадение от любви Божией.

Опознав свое убожество, человек мог бы раскаяться в совершенном им нарушении заповеди и просить у всеблагого Бога прощения. Через это раскаяние в содеянном и несомненное получение прощения от Бога человек мог бы восстановить нарушенное равновесие и начать прежний порядок Богом установленной жизни... Таким образом, печальный сам по себе факт падения, при восстановлении достойного самоопределения, в неисчерпаемой глубине Божественного милосердия претворился бы в доброе средство человеческого исправления и охранения.

Но раскаяние у павшей первозданной четы отсутствовало, и изменения в самоопределении по отношению к Богу не последовало. Человек обличен Богом в нарушении заповеди. Этим Господь снова простирал к человеку милосердие Своего всепрощения. Ибо стоило человеку только признать свою вину перед Богом и просить о прощении, он встал бы с токами Божественной жизни в сердце. Но

* Из труда епископа Гурия «Богозданный человек». См. «Богословские труды», № 12.

процесс ложного самоопределения продолжался. Он более вкоренился в своей замкнутости и выражался уже явным протестом против Бога. Вместо того, чтобы сознать свою вину перед Богом, Адам ссылается на жену, данную ему Богом, т. е. готов считать виновником своего падения Самого Бога, а жена ссылается на обольстившего ее змия. Таким образом, раскаяния не произошло, прощение не было испрошено, и идеальный порядок Б о г о м установленной жизни не восстановился. Человек остался в состоянии своего ложного самоопределения: переворота в содержании его душевной жизни не совершилось, и жизнь эта как бы за-каменела в состоянии самоутверждения.

Со своим новым душевным содержанием первозданная чета не могла уже жить в прежних условиях внешней жизни. Ей становятся тягостными эти условия, она стремится сама уже уйти из них, шив себе листовые пояса и пытаясь скрыться от Лица Божия, а затем и выводится из них Богом с предварительным указанием тех тяжелых последствий, какие повлекло за собой преслушание воли Божией, и тех новых будущих условий жизни, в которых сделается возможным свободе павшего человека снова вернуться к идеальным нормам бытия.

Мы видели быстро развивавшиеся печальные последствия человеческого преслушания Божией заповеди. В них, как в зерне, заключалось последующее развитие человека в сторону уклонения его от идеальной жизни.

Наиболее коренная и существенная перемена произошла в области сердечной жизни. Сердце, доселе жившее изливаниями Божественной любви, живым ощущением Бога как Источника всего сущего, теперь утерало это постоянно (как живой родник) оживляющее его содержание жизни.

Божество, доселе воспринимаемое как благая полнота внутренней жизни, теперь стало восприниматься как внешний объект и, как таковой, возбуждает уже в сердце не волнение любви, а чувство страха. Это чувство страха мучительно для человека, он трепещет, пытается скрыться от Лица Божия... Только как слабый проблеск, как отголосок чего-то далекого от человека останется в нем, в глубине его существа таящееся сознание о Боге благом, и нужно особое водительство Божие, чтобы это сознание поддерживалось в избранной части людей и формировалось в надлежащие нормы религиозной жизни, подготовляющие условия для будущего обновления человечества.

Утерав жизнь богообщения, человеческое сердце начинает жить мимолетными волнениями от окружающих впе-

чатлений. Это пестрый калейдоскоп хаотических волнений, трудно поддающихся какому-либо учету; он характеризуется стремлением иметь большую сумму волнений приятных и избегать, по возможности, волнений неприятных... Труд добывания пищи и земных благ усугубляется жестокой борьбой человеческих эгоизмов. Вместе с тем сердце, лишенное истинного блага, извращается в самом понимании того, что есть истинное благо, и влечется на удовлетворение низших потребностей и чувств. Так создается буря человеческих страстей, крайняя хаотичность сердечных волнений, жалкая погоня за тенью ложно понимаемого блаженства и — как результат всего — внутренняя неудовлетворенность всем окружающим и тоска по возвышенному, неведомому, но инстинктивно чувствуемому неземному идеалу.

Когда сердце утерало постоянное ощущение Божества как Источника жизни и всего сущего, потеряло Бога как внутреннюю полноту своего существа, резко должен был измениться и процесс человеческого познания. Раньше все являвшееся предметом познания сносилось в глубину сердца и здесь находило качественную оценку и высший синтез. Теперь сердце перестало быть этим синтезирующим и качественно определяющим содержание познания центром, так как само было пусто от высоких переживаний, не имея опоры и успокоения в Боге. Наоборот, оно само готово было скорее подчиниться в своих волнениях полному от области познания материалу. Утерав высший источник и Регулятор своих переживаний, сердце лишилось своего облагораживающего, превалирующего значения в жизни человека и стало влиять на содержание внутренней жизни сообразно с качествами тех навыков, которые оно могло усвоить в новых условиях существования.

Вследствие этого человек оказывается подавленным чрезмерною грудой вливающих в его сознание предметов познания. Он запутывается в лабиринте представлений. Каждый из предметов познания, по единству человеческой природы, оказывает то или иное влияние на область сердца, возбуждая в нем чувство приятного и неприятного. Волнения, в свою очередь, завладев содержанием познания, начинают влиять на характер познавательной деятельности, ввергая чрез это ее в еще большую хаотичность. Некоторые из определенных сердечных волнений приобретают устойчивость и своей интенсивностью налагают соответствующий отпечаток на всю жизнь человека, дают общий тон данной индивидуальности, но это чаще всего влечет за

собой еще большую беспорядочность внутренней жизни...

Сосредоточившись своим познанием на окружающем бытии в его раздельности и множественности, вне синтеза в общем Начале бытия, человек все более и более погружается своими познаниями в это окружающее бытие и затеряется в нем, перестает отличать себя от него и как бы смешивается с ним. Идея о высшем Начале бытия, о своем владычественном положении в мире все более и более тускнеет в сознании, вспыхивая иногда ярче в наиболее одаренных индивидуальностях, обычно же едва-едва мерцая во мраке оземленившихся человеческих переживаний. При поступательном (последующем) развитии человека из новых основ его духовного содержания в массе человечества должно было совершенно утратиться истинное понятие о Боге, о самом человеке и окружающем мире.

Понятие о Боге, по мере погружения человеческого сознания в окружающий мир, продолжало все более и более изменяться. В человечестве всегда оставалось сознание, вернее, инстинктивное ощущение высшей Силы, живущей в мире, и оно эту Силу начинает видеть уже не в особом Премирном Существо — Творце всего сущего, а в окружающем человека бытии, в том, что поражало его удивлением и страхом. Отсюда развилось поклонение предметам видимого мира, обоготворение усопших предков и даже обожествление живых людей.

Такому же грубому извращению подверглось понятие о человеке. Когда человек, этот венец Божия творения, предназначенный ко владычеству над тварным бытием, допустил в своем самосознании восторжествовать идее, что вещь тварного мира может послужить средством к его безмерно высокому духовному величию, он тем самым вверг себя в рабство окружающему бытию... Как бы человек ни противоборствовал природе, как бы путем невероятных усилий ни пытался вернуть утраченное господство над ней, достигая этого в незначительных дозах, он не может победить смерти и неизбежно телесною половиною своего существа возвращается в материальный мир. Унизив себя до зависимости от вещей мира теоретически, т. е. идейно признав над собой их силу, и практически, т. е. подпавши влиянию окружающего бытия, человек стал смешивать себя с этим окружающим бытием и притом настолько, что некоторые человеческие племена стали считать себя в родстве с животным миром и от него вели свое происхождение (тотемизм).

При коренном изменении понятия о Боге и человеке,

естественно, у человечества существенным образом должно было измениться и понятие об окружающем мире, и сам этот мир стал для человека совершенно иным, чем был раньше. Если раньше мир воспринимался как одеяние славы Божией, во всех частях отражающим Виновника своего бытия и с совокупности своей возводящим дух человека к прославлению Божества, то теперь, воспринимаемый сам по себе, в своей отрешенности от Бога, он предстал перед сознанием человека как неразрешимая загадка, как то необъятное целое, которое давило его своей громадой, побуждало совокупность мирового бытия понимать как само божество (пантеизм) и приучало видеть проявления этого божества в наиболее поразительных и непонятных явлениях мировой жизни (натуралистические религии, шаманизм). Коренным образом изменившееся у человека познание о Боге, себе самом и окружающем мире развиваясь все далее и далее в указанном направлении, в конце концов запутывало человека в лабиринте противоречий, приводило его к тупику и заставляло опознавать бессмыслицу своей жизни в данных формах существования.

Воля как стремление человека к определенному ряду действий, принимаемых познанием и нашедших симпатию в сердце, при происшедшей коренной перемене в человеческом существе также оказалась в ненормальных условиях для своего проявления. Если раньше в своем самоопределении она имела перед собой определенный идеал, то теперь эта определенность исчезла. Замкнутая в себе самое, не самоопределяющаяся по Богу, человеческая личность оказалась в лабиринте всевозможных противоречивых восприятий познания и склонностей сердца. Все более и более погружаясь в тленный мир, человек влекся своей беспомощной волей далее и далее в глубину омирщения. Высшие интересы духа меркли, преобладающее положение занимала телесно-животная жизнь, и воля рабски служила кумиру человеческих страстей, возводимых теперь иногда даже к ряду добродетелей.

Впервые воля ложно самоопределилась, имея мотив самообожествления человека. Иллюзия самообожествления разрешилась в самообман, но самоопределение по идеалу человеческой самости, по самоутверждению (во имя личного я, а не Бога) осталось, и оно вошло в природу человечества как наследственный, принимаемый за действительно истинный и (даже) единственно возможный способ и образ самоопределения. Греховной природой воли стало самоутверждение личности в своей исключительности,

в некоторых областях жизни иногда расширяемое до семьи, рода и племени.

Так воля, самоопределившись в себе, а не в Боге, оказалась невольницей в собственных тисках и вместо деятельности, направленной на облагораживание и возвышение жизни, на господство над миром и развитие идеальных сторон человеческого духа, оказалась разрушительницей божозданного порядка, созидательницей зла и несчастий, виновницей своего собственного ада, создаваемого ею из Божьего блаженного бытия.

Таким образом, духовное существо человека изменилось во всех своих основных областях, всюдунося заразу разложения своих собственных сил и способностей, все более и более углубляющуюся и разлагающую духовный организм человека.

Телесный состав человека, предназначенный быть органом души и служебным орудием в ее идеальном развитии, при расстройстве сил духа оказался сам влияющим на душу, заставляющим ее увлекаться телесными инстинктами, удовлетворять им в большей, чем нужно, степени и тем способствовать их чрезмерному развитию. Это увлекает дух в телесные страсти и делает его рабом своего тела, жалким исполнителем его низменных страстей, рабом того, что само должно быть послушным орудием духа в его жизни.

Проанализировав положение человека при новых условиях его жизни, в главных областях его духовно-телесного состава, мы видим, что место божозданного человека заняло как бы совершенно новое существо, в котором с трудом можно отыскать следы преждебывшего благоустройства всех сторон духовно-телесной природы. Первозданный человек, лишившись в сердце высшего Регулятора жизни, потерял цельность своего существа и оказался раздираемым бесконечными противоречиями своей болезнующей природы. Вместо прежнего величавого единства всех своих сил в Боге он теперь как бы разделен на ряд постоянно враждующих и борющихся между собой частей; плоть и дух его стали взаимно похотствовать друг на друга. Эгоизм, несущий с собой неизбежную борьбу людей между собой, сделался второй природой человеческой личности.

Человек оказывался в роковом самообмане. Он, стремившийся достичь полноты Божественного ведения и сил, оказался не только в тяжелой зависимости от материи, но и в более тягчайшем рабстве своему искусителю. Это рабство тем более было тяжким, что оно, бессознательно,

наследственно усваиваемое природой человека, в создавшихся условиях жизни становилось «нормальным» явлением бытия.

Человек, однажды подчинившись внушению искусителя, оказался через это подчинением постоянным рабом его. Захватив власть над человеком, искуситель стал властелином деятельности всего человечества, миродержателем тьмы века сего и как бы господином и князем земного мира, поскольку этот земной мир включает в себя человеческую деятельность и человеческие взаимоотношения.

Необходимость изменения тленного состава человеческого тела на нетленный само собой говорит и об изменении общих условий мировой жизни как среды, где должно обитать духовно и телесно обновленное человечество. Мировое бытие, тяготеющее мириадами последствий от вторжения в него богопротивной человеческой свободы и общими последствиями человеческого падения, мир, во зле лежащий и ставший (вследствие этого) ареной действий злого начала, не может вмещать в себе человека, обновленного по духу и вечного по бытию в нетленном теле. Мир должен измениться, чтобы стать средой жизни, соответствующей новым условиям существования того, для кого он был создан и кем должен был быть возводим к совершенству.

Все это свидетельствовало, что в душе человека оставалось инстинктивное ощущение высшего идеала, вытекающего из постоянной неудовлетворенности настоящим. Это инстинктивное ощущение высшего идеала и постоянное (чаще бессознательное) искание его, явившееся вследствие указанного нами характера падения, говорило о том, что в человеческой душе, пораженной и парализованной грехом, все-таки еще оставалось начертание образа Божия, инстинктивно и смутно ею еще чувствовались своя высшая идеальная природа и бытие высшего источника Начала. Таким образом, и после грехопадения первозданный человек сохранил, хотя и с повреждением, свою особую природу. «Грех,— по Макарию Великому,— примешался к душе, но у греха и у души остались свои особые природы». Сохранение падшей человеческой природой некоторой части своего благородства особенно характерно засвидетельствовано святым апостолом Павлом в словах об язычниках, которые «не имущие закона, естеством законная творят... являют дело законное, написанное в сердцах своих» (Рим. 2: 14—15). Сознание должного осталось в падшем человечестве, и свидетельством этого сознания является голос человеческой совести.

Таким образом, в человеческой душе и после грехопадения сохраняются две возможности: возможность восстановления идеальной жизни при обращении к Божией помощи и возможность полного удаления от Бога через впадение в состояние озлобленного самоутверждения.

5. ПОЧЕМУ БОГ ПОПУСКАЕТ ЗЛО *

Многие спрашивают: «Как это Бог, всеблагий, всемогущий, который есть Любовь,— допускает зло?»

Если не разобраться в этом вопросе, то он нередко приводит к отрицанию существования Бога, т. е. к атеизму. «Если Бог все знает, все предвидит и все-таки допускает зло, то Он или не всеблаг, или не всемогущ». Так говорят сомневающиеся... А дальше вывод у них следует сам собой: «если Бог не благ или не всемогущ, то значит, Он уже и не Бог или, прямо говоря, Бога нет».

Та же сомнения и такой атеизм присущи иногда очень серьезным, честным людям, например, французскому писателю Камусу. Но и некоторые очень значительные, верующие люди, как Достоевский, также проходят, прежде чем окончательно поверить, через подобные сомнения.

Сомнения эти все же основаны или на незнании основных истин христианской веры, или же на неумении, а чаще всего — на нежелании принять Истину.

Уже давно Отцы Церкви и многие христианские писатели, вплоть до нашего времени, давали на эти сомнения исчерпывающий ответ. Ответ этот прост, но мало его понять и запомнить, надо уметь его пережить, т. е. высшие истины открываются не только уму, но и сердцу человека, вернее, всему человеку.

Церковь учит, что Бог, конечно, всеблаг, что Бог — всемогущ, но всемогущество Его есть всемогущество любви, т. е. Бог есть Любовь. Поэтому Бог зла не сотворил и, можно сказать, даже не мог сотворить.

Зло же, по учению Церкви, появилось только оттого, что Бог создал Свои высшие создания — человека и ангелов — по Своему Образу и подобию, т. е. вполне свободными существами, которые могут даже пойти и не по указанному Богом пути.

Бог есть прежде всего Любовь, и человек уподобляется Богу, т. е. становится все более похожим на Него,

* Из труда архим. Александра (Семенова-Тян-Шанского) — Пути Христовы, Париж, 1969, с. 287—289.

когда любит, когда возрастает в любви. Но можно ли любить не свободно, по необходимости или по принуждению? Конечно, нет. Любить можно только свободно, вследствие чего надлежит сказать, что любовь и есть настоящее осуществление, выявление или реализация свободы.

Вот поэтому-то Бог и создал ангелов и людей свободными, Он сотворил их для Любви, для того, чтобы они могли причаститься тому блаженству взаимной любви, в котором пребывает Он Сам, Бог, Троичный в Лицах.

Но, как сказано, свобода заключает в себе и риск неправильного выбора, риск отклонения от верного пути и, к несчастью, этот неправильный выбор совершился у некоторых ангелов и прародителей человеческого рода, откуда и возникло зло.

Почему произошел этот неверный выбор — объяснить нельзя. Всякое творение исполнено глубокого смысла, как сотворенное всемогущим Богом, и оно, как имеющее смысл, объяснимо. Но зло Богом не сотворено и поэтому оно само по себе лишено смысла, является бессмыслицей, которая необъяснима. Святые Отцы учат, что зло, как не сотворенное Богом, по-настоящему не существует.

Это призрак, изъян, болезнь, отрицательная величина, минус, но минус, который все же может обладать силой. Сила же эта, как сила паразита (а зло и есть паразит), живет только силою того организма, которым питается. Сила зла только в согласии с ним воли свободного, созданного Богом существа. На земле же зло может иметь место только, поскольку воля людей склоняется ко злу, а она и будет склоняться ко злу, куда человек свободно не вернется к единственно верному пути свободного, любовного исполнения всеблагостью воли Божией.

Бог, конечно, предвидел, что ангел и человек могут сделать неправильный выбор; более того, Он знал, что неправильный выбор совершится, и Он предвечно (говоря слишком по-человечески) «принял меры» к исправлению страшной ошибки человека. По безмерной любви Своей, на все ошибки человека, на все зло человеческое и на все страдания людей Бог отвечает Самопожертвованием. Он берет все ошибки, все зло и все страдания на Себя, как будто бы Он, неповинный ни в каком зле — есть виновник зла.

Человек уклоняется от любви, сходит с пути любви, но Бог всегда остается Любовью и только Любовью. Жертва Господня имеет для людей тот смысл, что она дает людям возможность опять свободно выбрать правильный путь.